



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК



КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ
БРОНЕХОДЧИКИ.
СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ...

Бронеходчики

Константин Калбазов

**Бронеходчики. Сверкая
блеском стали...**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Калбазов К. Г.

Бронеходчики. Сверкая блеском стали... / К. Г. Калбазов —
«АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Бронеходчики)

ISBN 978-5-9922-2870-0

Тесла и Филиппов – величайшие умы современности. Они действительно полагали, что разрушительная сила нового оружия сделает войны бесполезными, что страх взаимного уничтожения заставит людей решать конфликты и противоречия путем переговоров. Но как же они ошибались. И как бы лидеры Большой пятерки ни боялись задействовать находящиеся у них могучие генераторы Теслы, война всегда была и остается одной из граней международной политики: где заканчиваются слова, говорят пушки. А значит, у пилотов шагающих бронированных монстров по-прежнему есть работа. И они выводят свои бронеходы на поля сражений.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2870-0

© Калбазов К. Г., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Калбазов

Бронеходчики. Сверкая блеском стали...

Часть первая

Июнь 1941 года

Глава 1

С неба и в бой

Тряхнуло так, словно они и не в небе, а на самой что ни на есть разбитой асфальтированной дороге. Именно асфальтированной. Потому что на грунтовой ухабы все же ощущаются куда мягче. Впрочем, ассоциация пролетела молнией и унеслась вдаль. А вот Григорий остался. Сидит закованный в броню и мучается вопросом, что раньше случится – пол под ним проломится или сама птичка все же не выдержит и рухнет на землю.

Конечно, не сказать что Азаров столь уж сильно боялся летать. Но одно дело, когда ты находишься в гондole дирижабля, который в принципе не умеет падать. Разве только над этим вдумчиво поработает кто-то посторонний, с помощью пушек. И совсем другое – когда ты заперт в планере, который не просто тяжелее воздуха, а напроочь лишен машины и винтов. Они тут конструктивно не предусмотрены, понимаешь.

О том, какой страх сейчас обуревал Плотникова, Григорий не хотел даже и думать. Хорошо бы сержант все же сохранил присутствие духа и не потерял боеспособности после приземления... А в успешную посадку надо верить свято. Так оно полегче. И ведь даже грудных бронеплит не откинешь. Вот как погрузили два часа назад, так и сидит тут. Кстати, уже и до ветру хочется. Десантникам – тем хорошо, они заняли свои места всего-то полчаса как.

Идея показалась весьма оригинальной. И Григорий ее очень даже оценил. Причем был уверен, что вне зависимости от результата она войдет в анналы военного искусства. Еще бы и не ему доверили выполнение этого задания – так и вовсе красота. Сомнительно, чтобы он вызвался для этого дела добровольцем, имей выбор. Но...

С момента подписания контракта Азаров находился на службе, со всеми вытекающими. И то, что он не давал присяги, ничуть не умаляло ответственности за нарушения и преступления. А добровольцев тут не выкликали. Поставили задачу – и все. Дальше думай, как ее получше выполнить.

Литовская армия уже сутки пытается прорвать польскую оборону. Но противник вцепился в свои позиции мертвой хваткой, не желая уступать ни пяди. И с этими придется куда сложнее, чем с теми же немцами. С военным опытом у пшеков все в порядке. Успели понюхать пороху, сгоревшего тротила и крови, как вражеской, так и своих товарищей.

Боевые действия между Литвой и Польшей вспыхивают с завидным постоянством вот уже двадцать лет. И кровь здесь льется реальная. При этом у обеих стран одни и те же союзники, обе состоят в Лиге Наций и не стесняясь бросаются друг в друга взаимными обвинениями. Одни твердят об отторгнутых территориях, другие – о постоянных провокациях и исторической справедливости.

Правда же заключалась в том, что еще в девятнадцатом году Польша откусила у Литвы чуть не треть ее территории вдоль российской границы. Полоса шириной порядка восьмидесяти и длиной около двухсот пятидесяти километров. В зоне оккупации оказалась и историческая столица республики Вильно.

Сейчас конфликт разразился с новой силой, и Григорий был уверен, что теперь-то в литовском вопросе будет поставлена точка. Окончательная и бесповоротная. Были предпосылки.

Не в последнюю очередь – их Литовский Иностраннный легион, на две трети состоящий из русских. И данное обстоятельство литовцев ничуть не смущало. С чего бы, собственно, коль скоро за их интересы льется не литовская кровь. Опять же не регулярная русская армия, а наемники. Правда, на офицерских и сержантских должностях сплошь русские. Но это несущественно.

Структура подразделения и вооружение вообще – также по образцу российской армии. Впрочем, оружие во всех прибалтийских армиях русское. Перевооружение вообще штука дорогая, вот и пользовались старыми запасами да закупали новое, чтобы поддержать единый стандарт.

Из России шли поставки не только стрелкового оружия и артиллерии. Автотранспорт, бронетранспортеры и бронетяги поставлялись оттуда же. А с образованием Иностранного легиона еще и бронеходы. Правда, не сказать что очень уж много. Планировалось только по одной роте «Витязей», «Громобоев» и «Гренадеров». Пока же и вовсе набрали только по взводу. Да и то на первых сугубо девушки, из ушедших в запас, но жаждущих вновь оказаться в боевой рубке.

«Гренадер» в экспортном варианте имеет серьезные отличия, но в общем и целом все тот же узнаваемый штурмовик. Стирлинг шел без химических патронов. Обычные горелки под жидкое топливо. Плюс холодильный агрегат. Как результат – не столь уж значимая разность температур и дополнительный привод компрессора, что отрицательно сказалось на резвости бронехода. Его максимальная скорость снизилась до пятнадцати километров в час. Заправки хватало только на пять часов.

В результате установки топливного бака пришлось отказаться от короба под дополнительные боеприпасы и личное имущество. Но несмотря на это, габариты и масса машины несколько увеличились. У штурмовика же с запасом по весу дела куда хуже, чем у его старших братьев. Пришлось облегчаться за счет уменьшения боезапаса вдвое. Вместо двух телескопических стояночных опор осталась одна. А так – все тот же родимый «Гренадер».

Так вот, еще на стадии разработки плана наступления какой-то умник в штабе предложил использовать недавно поступившие на вооружение русские планеры. Но только весьма необычно так. Вскрыв верхнюю обшивку фюзеляжа, поместить вовнутрь «Гренадера» и замуровать его там. Присев на три опоры, бронеход вполне помещался внутри аппарата. Оставалось только сколотить поддон и закрепить машину расчалками из пеньковой веревки.

Помимо бронехода, в планер помещались шестеро десантников-легионеров в полном снаряжении. Кстати, пилоты – те же наемники, и не сказать что такие уж классные специалисты. Словом, об этом думать не хотелось категорически. Довершали полезную нагрузку три сотни килограммов боеприпасов, продовольствия и топлива.

Шестерка легионеров являет собой группу поддержки «Гренадера». Или он их поддержка. В любом случае действовать им предстояло сообща. И соответствующие тренировки были проведены загодя. Как, впрочем, испытывали и транспортировку бронехода на планере. Так что команда получалась слаженная.

Тринадцать бронеходов, семьдесят восемь десантников, еще сто сорок на оставшихся семи аппаратах. Ну и в каждом по полтонны припасов. Ничего не много. У поляков стандарт ни разу не русский. Они даже русскую мосинку, что все еще не редкость в Войске Польском, под немецкий патрон перестроили.

Литовская армия имитировала основной удар в направлении Вильнюса. Ничего нового. Литовцы с маниакальным упорством стремились вернуть себе столицу. С другой стороны, этим

ударом они рассекали оккупированную территорию на две примерно равные части. Благодаря чему получали возможность перемолоть польские войска на северо-востоке.

Главный же удар наметили вдоль старой границы с Польшей с севера на юг. Таким образом, вся группировка на оккупированных территориях оказывалась отрезанной от метрополии. В дальнейшем, удерживая фронт не более восьмидесяти километров между Россией и Восточной Пруссией, предстояло разгромить практически окруженные части Войска Польского.

И их десанту в этом предприятии отводилась далеко не последняя роль. Помимо роты на планерах, в операции задействованы еще двадцать транспортных «Сикорских» с парашютистами. Эти машины изначально буксировали планеры. В общей сложности получался усиленный стрелковый батальон. Весьма серьезно, если не сказать больше.

Он должен был десантироваться в районе узловой станции Шештокай и захватить ее и перерезать единственную железнодорожную артерию. Оставались еще два шоссе. Но у поляков в настоящий момент с автотранспортом дела обстоят не очень. Так что, по всему, удар должен быть в самый нерв польской группировки.

Опять тряхнуло. Григорий посмотрел через смотровые щели на четверых легионеров, замерших на своих сиденьях перед ним. Пилот и командир группы в кабине, отделенной переборкой и дверцей. Вид у бойцов обеспокоенный. При этом все время косятся на стальную машину «Гренадера», или если точнее, то под него. Угу. Их опасения сродни его собственным. Но тут уж ничего не поделаешь. Либо все вместе садут, либо упадут. И то, что это далеко не первый полет с подобной ношей, как-то не особо успокаивает.

Хм. То есть он отлично видит лица парней. Значит, уже рассвет. Вообще-то планеры хороши именно своей бесшумностью. Их не обнаружит никакая станция акустической разведки. А это предопределяет и их ночное использование.

Но в данном случае скрытность никакой роли не играла. Главное было в том, что летательные аппараты имеют достаточно высокую скорость, способны транспортировать большой груз, и они настолько дешевы, что их совершенно не жалко потерять.

Планер все время снижается. В этом его суть. Сначала с помощью тягача он забирается ввысь, а потом, плавно теряя высоту, планирует по пологой траектории. Но сейчас Григорию показалось, что аппарат слишком уж как-то резво пошел к земле. Их не обстреливали. И это означает только одно: началась посадка.

Ну точно. Вон парни выглянули в окна и набожно перекрестились. Х-ха. А ведь вон тот чернявый все твердил как заведенный: «Бога нет, это все опиум для народа». Из коммунистов. Правда, не из радикальных, а очень даже легальных в России. Вообще-то в армии членам различных партий не место. За политическую агитацию в войсках предусмотрена статья в уголовном уложении. Но легион он и есть легион, к тому же часть ни разу не российская. Не суть важно. Главное, что, когда припекло, сразу же вспомнил наставление бабушки. Вот отчего-то никаких сомнений – именно ее.

Дабы отвлечься от неприятных мыслей, Азаров поджег горелки на головках цилиндров стирлинга. Выждал с полминуты. После чего запустил машину, а там и подключил привод холодильной установки. Дождался выхода работы машины на полную мощность и подключил гидравлический насос. Пробежался взглядом по манометрам. Все в норме. Штурмовик готов к бою.

Момент посадки Григорий запомнил на всю оставшуюся жизнь. И чего тут было больше – испуга, что вот сейчас эта скорлупка развалится и его «Гренадер» полетит кубарем, или радости от того, что наконец-то родная земная твердь и теперь уж в любом случае с ним ничего не случится? Потому что он-то уж прочно удерживается в стальном корпусе подвесной системой.

Пробежавшись по полю, планер замер, легонько раскачиваясь и поскрипывая деревом. Порядок. Все целы и невредимы. Стоп. А вот этого он пока не знает.

– Ну что, братцы, замерли как беременные. Режьте расчалки и валите наружу. Или будете ждать, пока пшки не начнут шпиговать эту фанеру из пулеметов? – приказал Григорий.

Согласно разведанным, в Шештокае находится батальон охраны. Кроме того, противовоздушная оборона, включавшая в себя по четыре установки счетверенных пулеметов, тридцатисемимиллиметровых автоматов и семидесятипятимиллиметровых орудий. Станция имеет стратегическое значение. А такие объекты без серьезного прикрытия никогда не оставляют.

Двое бойцов без лишних слов извлекли свои штык-ножи и быстренько разобрались с веревками. После чего выскочили наружу, вслед за товарищами. Пилот с командиром поспешили присоединиться к ним. И только после этого Григорий наконец распрямил машину.

Скрежет и треск ломаемого дерева – и вот «Гренадер» уже возвышается над изувеченным фюзеляжем. Разворот. Первый шаг. И тут же преграда. Однако фанера не выдерживает натиска брони и с треском лопается. Несколько секунд – и машина наконец обретает свободу. В хвостовой части еще остаются припасы. Но ими займутся позже.

С собой у легионеров только оружие и двойной боекомплект. Ну еще по одной ленте-сотке и по паре гранат для гренадера. Насчет перегруза машины – это вовсе не шутка. Он и без того потерял в резвости. А давить броней – мысль все же не столь разумная. Штурмовику предпочтительней делать ставку на подвижность машины.

Группа вооружена пятью ППШ и снайперской СВТ. За тяжелое и пулеметное вооружение бронеход. И бойцы поспешили разойтись в цепь, по три с боков, с интервалами в десяток шагов. Но в атаку не торопятся. И причина вовсе не в том, что «Гренадер» замер на месте. Бронеходы здесь в качестве поддержки. Так что нужно ждать приказа от командира стрелковой роты.

Но Азаров и не спешил. Для начала осмотрелся и убедился в том, что все планеры благополучно приземлились и сейчас должным образом раскурочены. Ну чисто птенцы, вылупившиеся из яиц. Хм. Или крокодилы. Причем взрослые и зубастые. Порядок. Все двенадцать в строю. Он тринадцатый. Вот и славно.

Поднял взгляд к триплексам, отвечающим за обзор небосвода. Картина напоминает сотни одуванчиков, плывущих по небу. Но нет. Не одуванчики. Парашютисты. И тишина. В смысле, тихо, конечно, не было. Тут и суета, и треск, и грохот, и раздающиеся команды офицеров и сержантов. Но ни единого хотя бы пистолетного выстрела.

Обернулся в сторону станции и взглянул в панораму перископа. Чуть больше километра к юго-востоку. Виден ряд домиков, скорее всего железнодорожников. Между ними редкие деревья, за которыми видна пара пакгаузов, а уже в довольно большом просвете между ними заметно полотно железной дороги, платформы и суetyающиеся человеческие фигурки. Много фигурок. Слишком много. А еще...

Надавил подбородком на клапан, увеличивая кратность перископа до максимума. Черт! Да куда же смотрела клятая разведка. Или это результат только сегодняшней ночи? Не суть важно. Разумеется, человеческие фигурки на поверку оказались солдатами. И по ощущениям их там далеко не батальон охраны, а как бы не полный полк, перебрасываемый на фронт.

Но и это полбеды. Куда серьезнее то, что на первом пути с их стороны стоит эшелон, на платформах которого примостились бронетяги. И если Григорий не ошибается, это «двадцатки»¹. Машина достаточно новая, в серию пошла два года назад и по боевым качествам вполне на уровне.

Пушка тридцатисемимиллиметровая, но пробиваемость гораздо выше, чем у немецких бронетяг. Осколочный снаряд слабенький, однако безобидным его не назвать. Даже для его «Гренадера». Контузия гарантирована, хотя осколкам до него, конечно, не добраться. Да и у

¹ БПС-20 – бронетяг польский средний, массой 20 тонн. Образца 1938 года, запущен в серию в 1939 году. Смешанная колесно-гусеничная схема.

солдат легиона не все столь уж безнадежно благодаря противоосколочным нейлоновым бронежилетам.

Новинка русских оружейников, проходящая здесь испытания. А что такого. Наемники вполне годятся для этой роли. Тем более что выгодно это всем. Россия опробует средство защиты, Литве это не стоит ни цента, наемники получают хоть какую-то защиту при довольно скромной массе в четыре килограмма.

Держит он и пистолетную пулю, но уже для ТТ ближе полусотни метров не является препятствием. О винтовках и пулеметах и говорить нечего. И вот это вполне может стать проблемой. Потому что, в отличие от своего предшественника, «двадцатка» кроме курсового пулемета имеет еще и спаренный с пушкой.

Смотрится это довольно забавно, так как ствол с водяным охлаждением спрятан в эдакую трубу из брони. Но с другой стороны, исключается возможность пробития кожуха охлаждения пулей или осколком. И внешний вид ничуть не умаляет достоинств самого пулемета.

Отличные огневые точки. Практически бронепоезд. Радует хотя бы то, что в просвете видно только пять платформ. Интересно, а сколько этих машин на станции всего? И не менее интересно – сколько из них успели разгрузить? И какое решение примет командир батальона. Атаковать серьезно превосходящего противника – затея не из лучших. Тут, пожалуй, не помещает перейти к обороне. Все одно в этом случае движение по железной дороге будет парализовано. А как следствие, и боевая задача выполнена.

Угу. Вот сколько раз говорил себе не думать о плохом – оно и не случится. Командир роты, к которой был придан его взвод, не стал дожидаться высадки комбата и отдал приказ на наступление. Григорию ничего не оставалось, кроме как продублировать его своим парням. Ну и сам двинулся вперед.

Группа прикрытия, как и положено, пристроилась в нескольких метрах позади машины. Вот так. Не прошло и пары минут с момента посадки, а они уже двинулись в атаку. Даже успели преодолеть около сотни метров, когда поляки наконец ожили. Послышался нарастающий вой мин, и вскоре метрах в сорока перед ними вспухли черные облака разрывов.

Хм. А ведь все и не так чтобы совсем плохо. Между атакующими и обороняющимися пронеслось несколько истребителей, сбросивших дымовые шашки. Клубы дыма еще не успели застать станцию, как Григорий рассмотрел и эскадрилью штурмовых бомбардировщиков. «Илы» заходили на цель под разномастную трескотню и грохот зенитных установок. А там не заставили себя ждать и разрывы авиационных бомб. Минометный обстрел тут же прекратился.

Хм. Зря он так-то о командовании. Получается, десантная операция была спланирована на высшем уровне. С многослойной поддержкой. Взгляд в небеса выхватил картину сходящихся двух групп самолетов. Не иначе как поляки, обнаружив перелет линии фронта значительными силами, подняли свои истребители. Литовские же, защищая свои бомбардировщики и грузовики, бросились им наперерез.

Хм. Пока все очень даже гладко. Неужели так оно будет и дальше? Очень хотелось в это верить. Бомбы, рвущиеся на станции густо и часто, дарили на это надежду. Нешуточную такую, весомую. Опять же и «Гренадеров» со счетов сбрасывать не стоит. И вообще, как говорится в старой поговорке: глаза боятся – руки делают.

Бежали они весьма споро. Азаров развил максимальные пятнадцать километров, но легионеры не отставали от него ни на метр. Хотя и доставалось им, чего уж там. Но с другой стороны, медлить никак нельзя. Чем быстрее они сойдутся с противником лицом к лицу, тем меньшие потери понесут впоследствии. Потому что скажется плотное насыщение автоматическим оружием.

Когда закончился авианалет, они уже пересекли линию дымов и были не дальше сотни метров от траншеи батальона охраны. Впрочем, нужно отдать полякам должное: едва противник появился в поле зрения, они тут же открыли плотный ружейный и пулеметный огонь.

Григорий сразу же заметил пулеметную точку. Остановился почти мгновенно. На очередном шаге подогнул ногу, гася толчок пружинной рессоры. Еще один шаг, с точно таким гашением. И все. Бронеход встал как вкопанный. Разбрасываться боеприпасами в движении, при ограниченном их количестве, не хотелось совершенно.

Пара секунд на прицел. И граната полетела к цели по пологой траектории. Ее полет еще не закончился, а Азаров уже сделал первый шаг. Со вторым – рванули двести граммов тротила, опрокидывая станковый пулемет. Для сотни метров и выстрела практически навскидку – более чем удачно. Он рассчитывал только напугать пулеметчика и успеть сократить дистанцию для более уверенного поражения. Оттого не стал забрасывать гранатами и траншеи со стрелками.

Несколько пуль щелкнули по броне. Но его насторожила только одна из них. А еще выстрел. Куда более весомый и хлесткий для обычной винтовки. Не поинтересоваться структурой и вооружением подразделений противника было бы верхом глупости. Правда, в отличие от немецкого, польское бронебойное ружье ему в руках поддержать так и не довелось. Хотя с техническими характеристиками и внешним видом по фотографиям он ознакомился. Никаких сомнений, только что стреляли из бронебойки.

И где же ты, сволочь! Вот теперь об экономии боеприпасов лучше не думать. Григорий вновь погасил инерцию и остановился. Поведя корпусом, пустил веером шесть гранат. Скорострельность – выстрел в секунду, так что задержаться на одном месте пришлось надолго. Дистанция не больше семидесяти метров. В траншею попали только две. Просто отличный результат.

Правда, совершенно бесполезный. Резкий и гулкий удар. Что-то больно впилося в бедро. Словно гвоздь вогнали. Был такой опыт по детству. По спине пробежал озноб. А что, если это только игра воображения и на самом деле ему уже оторвало ногу. Не отдавая себе отчета, сделал пару шагов. Нормально. Больно, конечно, но нога сохранила подвижность. Значит, все же прилетело не так сильно, как он того боялся.

И вновь удар. Только на этот раз он сопровождался визгом и воем ушедшей в рикошет и успевшей разрушиться пули. Не видя позиции бронебойщика, Григорий бросился вперед, все время выискивая столь опасного противника. Все остальное обождет.

Конечно, его главная задача – это поддержка легионеров, но трупы – плохое подспорье в бою. А он может стать таковым в любой момент. К тому же он уже неплохо помог парням своей серией гранат. Поляки несколько присмирели, и легионеры почти достигли бруствера. Ага. А вот и своими гранатами добавили, прежде чем сваливаться на головы обороняющимся.

Четвертый выстрел. И очередной рикошет. Теперь бронебойщику нужно время на смену магазина. Если он, конечно, не держал пятого патрона в стволе. Что вряд ли, потому что не передовая. Хм. А вот перезарядиться ему Григорий давать не собирался, поскольку заметил его позицию. Примерно в сотне метров от первой линии траншей.

Остановился и вскинул пулемет. Прицел новой конструкции с переменной, до трех, кратностью. Приближение. Суевающийся в панораме боец. Кто же меняет магазин, вот так подставляясь? Ружьишко вполне позволяет спрятаться с ним в траншее. И вообще нужно менять позицию. А так...

Короткая двойка. Больше попросту не нужно. Это же, получается, натуральный снайперский пулемет. Солдата отбросило на противоположную стенку окопа, и он сполз, укрывшись за бруствером. Вот и порядок. Теперь нужно взять направление на это ружьишко и наступить на него. Не хватало только, чтобы нашелся еще какой умник и воспользовался им. Бронебоек в Войске Польском не так чтобы и много. И уж тем более в тыловых частях. Так что получится неслабый плюс к безопасности.

Пока двигался к намеченной цели, полоснул пару раз по обнаружившимся группам польских солдат. Пустил гранату, полил из огнемета, превратив в живые факелы сразу троих затаившихся в траншее бойцов. Когда достиг своей цели, легионеры поддержки успели его нагнать.

Опустив опору на деревянное ложе бронебойки, быстренько оценил общую обстановку. Все шестеро из его сопровождения были в полном порядке. Рассредоточились, залегли и, ожидая, когда он продолжит движение, открыли огонь по станции. Стрелять, конечно, приходилось в просветы между домами. Но и там хватало мечущегося народу.

Похоже, противник спешно занимает оборону. Ну или командиры после бомбежки пытаются навести хоть какой-то порядок. А неплохо так отбомбились «Илы». Станция в огне. Слышатся разрывы снарядов и мин в горящих вагонах.

А вот гулко ухнуло, и следом вверх выметнулся огненный гриб в желто-черном окрасе. Не иначе как рванула цистерна с топливом. Современные бронетяги нуждаются в жидком топливе. Уголь не так эффективен и ведет к еще большей громоздкости и без того внушительных габаритов боевых машин.

Его взвод также в порядке. Он с легкостью вычленил все двенадцать машин. Либо на этом участке больше не оказалось бронебоек, либо, как и у него, обошлось. Ну и слава богу. А вот затягивать с атакой и дальше уже глупость. «Двадцатки» на платформах все так же безжизненны. И лучше бы им оставаться таковыми и впредь.

Григорий запустил привод небольшого пневматического насоса и подал звуковой сигнал «атака». Убедился, что парни вновь двинулись вперед, пустил по дуге веер трассеров и тоже направился к станции. Только на этот раз он не бежал, а шел, время от времени посылая очереди в попадающиеся на глаза группы солдат. А вот его сопровождение предпочло пробежаться до ближайшего дома, за которым благополучно и укрылось.

Впрочем, отсиживались они недолго. Пара автоматчиков выбили окна и друг за другом проникли в дом. Снайпер, заняв позицию за углом, словно метроном, отстрелял десятиместный магазин с перерывами в пару секунд, не больше. Но у Григория ни капли сомнений: минимум половина выстрелов достигла своей цели. А то, может, и все. В легионе абы кому оптику не доверяли. Пара других бойцов заняла позицию за дальним углом, чтобы не обошли.

Но едва «Гренадер» миновал дом, как легионеры поспешили покинуть свои позиции, прикрывая его от возможных посягательств пехоты. Ну и, разумеется, не прекращали вести плотный огонь. Благо целей было более чем достаточно.

А он о чем говорил! Они как раз уже входили в просвет между пакгаузами, когда башня одной из «двадцаток» пришла в движение. Григорий остановился и вскинул БРС. Бить в башню уже бесполезно. Толщина бронебойке по зубам, всего-то тридцать миллиметров. Но угол неприятный: велик шанс получить рикошет. Не смотри, что дистанция чуть больше тридцати метров. В кого будет целиться наводчик, сомневаться не приходится, так что бить нужно с гарантией.

Навелся на боевое отделение – примерно туда, где должны находиться наводчик и заряжающий. В борту у этого бронетяга всего-то двадцать миллиметров. Да еще и без наклонов. Три выстрела. Все трассеры ткнулись в броню, проникнув внутрь. Механику-водителю в этой ситуации, может, и не досталось. Но оружейной службе – однозначно.

Рядом вновь хлестко ударила СВТ. Непроизвольно глянул, куда целится снайпер, и перевел взгляд в этом направлении. Ай, спасибо! Похоже, ему только что спасли жизнь. Ну, может, и нет. Бог весть, все же прошлый бронебойщик оказался далек от меткой стрельбы. Но возможные неприятности пресечены на корню. Метрах в шестидесяти вправо, под колесом железнодорожной платформы, стояла на сошках бронебойка и, уткнувшись лицом в шпалы, лежал польский солдат.

Когда наконец миновали пакгаузы, Азаров сумел оценить обстановку в целом. Итак, похоже, эшелон прибыл либо незадолго до их десанта, либо разгрузку отложили на утро. Особой надобности для спешки у пшеков не было. Несмотря на все потуги литовцев, фронт оставался стабильным и проседать где-либо пока не собирался. Вообще все очень походило на едва

ли не ставшие традиционными приграничные конфликты. Но тем не менее поляки непременно стягивали сюда войска.

Хм. А ничего так, серьезно они подошли к данному конфликту. Эшелон, к которому вышел Григорий с легионерами, состоял не меньше чем из сорока платформ. Ну, во всяком случае, Азаров предположил, что в этом составе находится полный бронетяжный батальон.

Кстати, у поляков к бронетягам отношение серьезное. Они одними из первых начали формирование броненосных войск. Но их экономика не способна потянуть амбиции правительства. В Войске Польском даже с автотранспортом не все слава богу.

На втором пути виден точно такой же эшелон. Только машины там не новейшие «двадцатки», а предыдущая модель. Так называемые «десятки»². Броня послабее, ходовая только на гусеницах, вооружен все той же тридцатисемимиллиметровой пушкой Бофорс³, спаренным и курсовым пулеметами. В общем и целом машина где-то даже превзойдет русскую «тридцать третью». Разумеется, если лишить «БЛ-33» реактивных снарядов.

Итак, два полных батальона. И это то, что видит он. Лихо. Им, конечно, досталось во время бомбардировки. Григорий наблюдал как минимум четыре машины, разбитые авиабомбами. Да и грузовым вагонам, что видны дальше, попало на орехи. Некоторые из них пылали. Станционные работники сработали весьма оперативно, уже начали подгонять маневровые паровозы, чтобы растащить загоревшиеся составы. Но тут появилась другая напасть – в виде атаки легионеров, усиленных штурмовиками.

Ага. Еще один умник нашелся. Влез в бронетяг на платформе и также вознамерился воспользоваться башенным орудием. Разве только на этот раз это «десятка», соответственно на втором пути. Из-за этого сектор обстрела у него более чем скромный. Но Азаров как раз в него попадает. Недолго думая, Григорий вскинул БРС и трижды нажал на спусковой рычаг. Признаки жизни в бронеходе сразу же пропали.

Тем временем бойцы прикрытия, воспользовавшись тем, что в пределах видимости противника пока нет, полезли на платформы. Решили проверить машины на предмет нахождения там экипажей. Дельное решение, а то еще прилетит. Причем совсем не обязательно из пушки. «Двадцатки» вполне способны полоснуть круговую и из пулемета.

Один из автоматчиков захлопнул люк проверенной машины. И тут ему в грудь прилетела автоматная очередь, откуда-то из-за состава на втором пути. Легионер переломился в поясе и, скрючившись, со сдавленным стоном повалился за башню.

Григорий подал звуковой сигнал «делай как я». Одновременно наклонился чуть вперед. Включил сжатие пружин на опорах, которые очень быстро встали на стопоры. Хорошо все же, что «Гренадера» порезали не настолько серьезно. Активировал реактивные двигатели и одновременно сбросил стопоры. Пружины придали первичный импульс, а остальное довершили двигатели. Машина поначалу окуталась дымом сгоревшего топлива, а потом взмыла вверх. Не так уж и высоко, но вполне достаточно, чтобы оказаться на платформе.

Осмотрелся сверху. Никого не заметил. Сделал пару шагов, встав на противоположный край платформы. Между соседними не больше метра. Еще один шаг, и он уже стоит рядом с «десяткой». Секунда – и он заглядывает уже за платформу. А вот и боец, смотрит испуганным взглядом, прижимая к груди «Морс», польский пистолет-пулемет под парабеллумовский патрон.

Григорий навел на него пулемет. Короткая двойка. Одна пуля взбила китель на груди, вторая расщепила дерево приклада. Парня же отбросило на спину. И крупный щебень железнодорожной насыпи окрасился его кровью.

² БПЛ-10 – бронетяг польский легкий, 10 тонн. В просторечье «десятка». Модель 1935 года. Фактическая масса 15 тонн. В том же году пошел в серию. До 1939-го единственный серийно выпускавшийся бронетяг.

³ Бронебойная пушка. Несколько вариантов как полевого, так и башенного орудия.

– Твою в гробину, душу мать нехай! Гад! Больно-то как!

Григорий в удивлении взглянул в триплекс заднего обзора. Х-ха! Кто бы что ни говорил, но вот этот парень, что разминал болевшую грудь, будет молиться на изобретателя мягкого бронезилята. Да, больно. Причем грудь будет настолько синей, что вся гамма неприятных ощущений еще впереди. Но при этом, получив очередь с дистанции едва в десять метров, он все же остался жив. Был бы это ППШ или даже ТТ – и его уже ничто не спасло бы.

Двигаться дальше никакой возможности. Перед ним товарный вагон. Не будь дверь закрыта, можно было бы попасть внутрь, с трудом, но это возможно. Однако, пусть она и не заперта, отодвинуть ее в сторону он не может. Опять же, если бы можно было действовать стволом бэрэса, но дверь справа, а там только пулемет с огнеметом. Словом, коротковаты ручки. Если только...

– Братцы, а ну откройте-ка эту дверь! – выкрикнул Григорий, перекрывая какофонию разнообразных звуков, заполнивших станцию.

Пока легионеры выполняли его просьбу, осмотрелся вокруг. Десантники и бронеходчики действовали весьма споро. Вон ожила башня еще одного бронетяга. Один из легионеров поспешил перебежать с другой платформы и, не имея возможности открыть запертые люки, сунул ствол автомата в смотровую щель и нажал на спуск.

Даже если ни одна из пуль, мечущаяся в свистопляске рикошетов, не попала в членов экипажа, что маловероятно, серьезная контузия им гарантирована. Едва Григорий об этом подумал, как непроизвольно зажмурился. Это у него что-то вроде условного рефлекса на яркие и образные мысли о контузии.

Наконец дверь отъехала в сторону. Так и есть. Теплушка. Только личного состава в ней сейчас нет. Что, в общем-то, не удивительно. Вновь звуковой сигнал «делай как я». С отказом от сирен и введением труб количество сигналов резко возросло. Правда, пришлось осваивать навыки игры на трубе. Система один в один.

Бочком, вызывая удивление у легионеров своей акробатикой, перебрался в вагон. И тут же распахнули дверь напротив. Еще одна открытая платформа. На этот раз пустая. Ступил на нее. Взгляд по сторонам. Ага. Похоже, этот состав уже разгрузился. Может, недостающий батальон, который, по идее, должен состоять из средних «двадцатьпятков»⁴, которых недосчитался Григорий.

А вот что касается доблестных воинов Войска Польского, они дружно ответили винтовочно-пулеметным огнем из-за домов, что были метрах в сорока за станцией. Там, собственно говоря, и находился сам Шештокай. Небольшой городок с населением не больше пары тысяч человек. Н-да. Ну, сейчас-то благодаря военным явно побольше.

Дойдя до края платформы, Григорий спрыгнул вниз и направился к ближайшему дому. Вскинул пулемет и дал две короткие очереди по окнам, отгоняя от них засевших там солдат. Ну и мысленно молясь, чтобы жильцы догадались если не сбежать, то хотя бы спрятаться в подпол.

Бой в городских условиях сложен по определению. Враг может таиться за любым забором или окном. Поэтому солдаты реагируют на любое движение, которое не сообразуется у него со своими товарищами. Случается и такое, что бьют не просто по мирным жителям, оказавшимся не в то время и не в том месте, но и по своим же. Вот так затеют перестрелку, покروشат друг дружку и только потом сообразят, чего наворотили. Так что мирному населению лучше либо по подвалам, либо прочь за околицу.

Приблизившись вплотную и получив больший обзор, дал еще одну очередь. На этот раз патронов на пятнадцать. А то мало ли кто оттуда выскочит с каким сюрпризом. Подтянулась группа поддержки. Уже знакомые автоматчики метнули внутрь гранату, и как только грохнуло, следом сами. В прошлый раз обошлись без карманной артиллерии. Ну да там и понятно. Сол-

⁴ БПС-25 – бронетяг польский средний, масса 25 тонн. Модель 1939 года. В серию пошла в том же году.

даты себя в доме никак не обозначили, а потому была велика вероятность побить хозяев. Сейчас же выбор уже невелик.

Вновь подал звуковой сигнал. На этот раз «выровнять линию» и «прекратить продвижение». Парни у него опытные, практически все из его первого взвода, прошедшие с ним не через одно сражение. Срок службы по призыву подошел к концу, вот они и оказались на гражданке. А там – он позвал, они же пошли за своим командиром.

Из дома послышались голоса, автоматная трескотня. Бабий крик. И все стихло. Старший группы с двумя автоматчиками взяли окна под контроль: мало ли как оно все. Угол слева контролировал Григорий. Справа пристроился снайпер.

– Порядок, старшой, – доложилась выглянувший в окно легионер. – Баба с дитем была. Так мы ее запихали в подпол. Этих было четверо. Положили всех.

– Евсей, Артем, остаетесь с господином капитаном. Ты слева смотри, ты справа. Остальные занимаем дом и глядим на ту сторону. Будем ждать подхода основных частей.

Григорий помнил об этой части плана. Поэтому и не спешил никуда. Единственно всматривался вдоль улицы в попытках рассмотреть своих парней. Ну и отошел за стену дома, чтобы не отвечивать. Мало ли кто стрельнет еще из бронебойки. Много их у поляков или мало, а уже две на его пути повстречались.

Так. Твою в гробину, душу мать нехай. Девять машин. Ну что ты будешь делать. А нет, вон из вагона появился еще один. А вот еще парочка, обходили между составами. Порядок. Потерь нет.

Нога отозвалась болью. Вот сейчас малость отошел, успокоился, и чувствуется, что левая штанина изрядно промокла. С этим нужно что-то делать. Не хватало еще кровью истечь. Или заражение какое заполучить.

– Рогов!

– Да, господин капитан, – через несколько секунд выглянул в окно старший группы.

– Прикрытие мне обеспечьте. Нужно вылезти из машины.

– Плохая идея, господин капитан.

– Знаю. Но меня ранило, нужно глянуть, что там и как.

– Ясно. Вы только поглубже за хату зайдите. А мы со всех сторон присмотрим. И это...

Влезайте в окно. Тут вас перевяжем.

Азаров откинул грудные пластины. Перебросил через плечо лямку подсумка с магазинами и гранатами. Болезненно скривившись, не выпрыгнул, а вылез наружу. Сидит что-то в мышце. Однозначно сидит. Пока в горячке, ничего не чувствовал, а теперь начинает одолевать.

Протянул руку и извлек из зажима ППШС. Выходить из машины без оружия в условиях боя даже на минуту – глупость несусветная. А он уже не мальчик. Ч-черт! Как жарко-то. Тело уже взмокло. В машине куда прохладней. Холодильная установка работает исправно, и такая функция, как охлаждение рубки, вполне сохранилась.

Прежде чем лезть в окно, пристроился и окропил стенку. Бо-оже-э, какое блаженство. Плевать на рану. Плевать, хоть весь кровью изойдет. Но едва оказался вне бронехода, сдерживаться и дальше уже не было никакой моченьки. Так и простоял чуть не минуту, пока окончательно не облегчился.

Хозяева дома были вполне зажиточными. В комнате наличествовали две железные кровати. На одной из них высилась целая стопа матрацев и перин. Ну чисто сюжет из сказки о принцессе на горошине. Разбросано с десяток подушек. Часть из них порвалась, и в комнате хватало как разбросанных перьев, так и летающего пуха.

Присел на разоренную кровать: похоже, здесь-то и рванула граната. Забираться на другую никакого желания. Больно высоко. А на этой вроде бы хозяева спали. В углу стоит шифоньер. Хм. Было и большое, во всю дверь, зеркало. Побило осколками. Н-да. Людям одно разорение. А ведь их вроде как из-под оккупации вырвать хотят.

Ладно, хватит размышлять о постороннем. О насущном нужно. Вспарывать комбинезон не стал. Запасного здесь нет, а разгуливать в драной форме – идея не из лучших. Быстренько скинул с себя португую. Расстегнул пуговицы и стянул одежду. Так. Ничего страшного. Крови, конечно, натекло. Но это оттого, что торчит краешек осколка из раны на внешней стороне бедра и не дает затвориться дырке. Потому что нога все время в движении.

– Рогов.

– Да, господин капитан, – отозвался сержант.

– Пока суд да дело, пополните парой соток пулеметную ленту и зарядите гранатомет.

– Слушаюсь.

Все это они отработывали на учениях. Мало ли как оно все обернется, поэтому навыками обслуживания вооружения должны владеть все.

Сам же извлек из кармана швейцарский нож. Новейшая разработка, которая стала весьма популярна не только у военных, но и в целом. Жаль, нет пассатижей. Впрочем, сомнительно, что их возможно сюда втиснуть. Зато имеются небольшие ножницы. Прихватил кончик торчащего осколка, собрался с духом и...

– Раскудрить твою через коромысло!

– Что? – заглянул обеспокоенный Рогов.

– Нормально. Команды на выдвижение еще не было? – обрабатывая обильно закровившую дырку в бедре, поинтересовался Григорий.

– Нет еще, – ответил сержант.

– Добро. Занимайтесь «Гренадером».

Тампон. Повязка. Ну все. Пока сойдет. Потом покажется санинструктору. Глядишь, может, и обойдется без разрезов. И все же он везунчик. Чуть в сторону – и ногу однозначно оторвало бы. Даже если не так, то болевой шок гарантирован. А осколок этот – все же окалина от брони.

Когда привел себя в порядок и выбрался к машине, даже присвистнул, глядя на пробоину в левой опоре. Сантиметра два, не меньше. А ведь калибр семь целых девяносто две сотых миллиметра. Он это точно знает. Ну и энергия у этой пули!

Вновь занял свое место, а уже через минуту поступила команда продолжить наступление. Батальон наконец подтянулся и занял станцию. Григорий краем глаза видел множество пленных. Ну никак не меньше сотни. Может, были и еще. Это они хорошо так повоевали. Но самое трудное предстоит им только сейчас.

Однако, как ни странно, в городе солдат противника больше не было. Польское командование предпочло отвести свои части до выяснения обстановки. А может, причина в панике и повальном бегстве. Бросать же в мясорубку тех немногих сохранивших дух – все же глупость. Тем более когда тебе нужно собрать разбежавшихся, встряхнуть и поставить в строй. Должен же кто-то присмотреть за этими трусами. А то эдак положишь в землю всех храбрецов – и с кем тогда останешься?

В любом случае данное обстоятельство оказалось на руку легионерам. Они спешно занимали позиции прежнего батальона охраны, обновляя их и дополняя. В том, что противник постарается во что бы то ни стало восстановить железнодорожное сообщение, ни у кого сомнений не было.

А тут еще выяснилось и то, что третьего эшелона с бронетягами не было. То есть отсутствовали «двадцатьпятки», самые серьезные машины Войска Польского. И их лобовую броню Бифорсами не взять. Не тот калибр.

По словам начальника станции, эшелон ожидался к десяти утра. К тому моменту станционные пути должны были бы несколько освободиться. Ближайшая станция, где можно спустить с платформ бронетяги, находится в Сувалках. Это чуть больше сорока километров.

С учетом получения сведений, разгрузки и марша получается часа три. Не так чтобы и мало. Конечно, если подойти к вопросу организации встречи со всей возможной серьезностью. Опять же, батальон средних бронетягов – это еще не все, что поляки могли бросить против дерзкого легиона.

Глава 2

Измена

– Господин Кондратьев, я прошу прощения. Хотела вас поблагодарить за великолепное занятие. Вы так легко и доходчиво преподаете предмет, что все-все понятно с первого раза, – заступив ему дорогу, произнесла девушка.

Высокая стройная блондинка с правильными чертами лица и голубыми глазами. Красота неброская, но от этого образ студентки не менее привлекателен. И чего уж там, соблазнитель. А уж то, как она умудрялась носить обычный белый халат и несколько кокетливый колпак, да еще эдак прижимает к груди ладошки, одаривает таким восхищенным взглядом и говорит едва не с придыханием... Ч-черт! Да тут нужно быть каменным истуканом, чтобы остаться равнодушным. Или...

– Б-благодарю, Агата. Очень рад, что сумел увлечь и преподать материал в должной мере, – смущенно скорее пролепетал, чем произнес, Клим.

Ну а чего такого. Он вообще-то женским вниманием не избалован. У него есть жена красавица – вот, по сути, и весь его опыт общения с противоположным полом. Есть еще Алина. Правда, она только друг. С Агатой он знаком давно. Еще во время войны, или, как ее принято называть, Судетского инцидента, эта студентка была его операционной сестрой. Но одно дело руководить бригадой медиков, даже когда вокруг рвутся снаряды. И совсем другое – при вот таком обращении. Да еще на виду у всех, и ее подруг в частности.

– Как я понимаю, вы и дальше будете проводить занятия по хирургии? – поинтересовалась девушка.

– Н-нет. Я только подменял приболевшего профессора Крамера. Простите, мне нужно идти. Сударыни, – обозначил он поклон товаркам бывшей своей подчиненной и направился дальше по коридору.

– Агата, ты ли это? – с искренним удивлением произнесла одна из студенток. – К чему тебе эта мокрица? Не скрою, хирург он, конечно, замечательный. Эта его знаменитая операция Войцеховского в условиях полевого госпиталя. Видные профессора признают виртуозность, проявленную им. Но жить вот с таким недоразумением... Пусть и подающим большие надежды хирургом... Лично я предпочитаю куда более представительных мужчин. К тому же он женат.

– Кстати, я видела его супругу, просто красавица. Глаз не отвести. Агата, ты, конечно, хороша, но, извини, серьезно ей проигрываешь, – подала голос вторая девушка.

– Касаемо мокрицы, Нада, ты совершенно не права, – возразила Агата первой девушке. – Он участвовал в знаковой обороне у Десова. Просто взял санитарную сумку и пошел вслед за солдатами. И, между прочим, многих раненых вынес лично. Причем не после боя, а под обстрелом. Мне потом об этом один контуженый рассказывал. Как и о том, что видел, как Кондратьев самолично ползал вытаскивать раненых с ничейной земли, когда там все еще продолжались перестрелки.

О том, что Клим ползал туда спасти девушку-бронеходчицу, она предпочла умолчать. К тому же он ее и не спас, вернувшись один. Насколько было известно Агате, та о себе и сама прекрасно позаботилась. Мало того, еще и гансам кровавую баню устроила.

– Ты это сейчас придумала, – возразила Нада.

– Вовсе нет. А за что, вы думаете, его наградили «Крестом за храбрость»⁵? Уж точно не за спасение Войцеховского. А что до красавицы жены, то она всего-навсего самая обычная шлюха. Просто он ей верит.

⁵ Награда является плодом воображения автора.

– Ну так открой ему глаза, – хмыкнув, подначила Нада.

– Нет, Агата, – тут же произнесла третья студентка, заметив появившееся на лице подруги решительное выражение.

– Отчего же? – дернув плечиком, возразила девушка.

– Не смей. На чужом горе своего счастья не построишь, – убежденно произнесла вторая...

Разумеется, Клим не имел представления относительно происшедшего разговора. Хотя прекрасно видел, что нравится Агате. Он ведь не слепой. Но вот как с ней себя вести – попросту не представлял. Девушка ему нравилась. Не в смысле как женщина. А как человек. И он был готов искренне порадоваться за будущего ее супруга. Но сам ей дать ничего не мог. Он женат и счастлив в браке. Пудрить же ей мозги не считал для себя возможным. И вообще другие женщины его попросту не интересовали. Никто не мог сравниться с его Катенькой.

Идя по длинному коридору с дверями в учебные аудитории по одну сторону и высокими стрельчатыми окнами по другую, он то и дело раскланивался со знакомыми. Всего лишь год назад именно в этих стенах его встретили весьма враждебно. А вокруг кипели страсти вокруг аншлюса Австрии и присоединения Судет к Германии. Помнится, прибыв для стажировки в Немецкий университет, он был вынужден сразу перевестись в Чешский.

Сегодня от бывшего разделения не осталось и следа. Вековой традиции сосуществования фактически двух университетов, где преподавали на немецком и чешском, пришел конец. Ныне университет именовался просто Карловым, без обозначения национальной принадлежности. Обучение же проводилось на двух языках – чешском и латыни. Разумеется, студенты изучали иностранные языки, но это уже совсем другое дело. И тому были объективные причины.

К концу сентября прошлого, сорокового, года после контрударов в направлении Варетин и Хваловице противоборствующие стороны замерли на довоенных позициях. Вся их активность сводилась к редким авианалетам, воздушным схваткам, разрозненным артобстрелам и вялым перестрелкам. Словом, в дело вступала уже знакомая и отработанная в Великую войну позиционная тактика.

Немцы объясняли прекращение активных действий уважением к международному праву и решениям Лиги Наций. Совет же безопасности последней настаивал на том, что данный конфликт должен быть урегулирован за столом переговоров. Именно конфликт. Потому что слово «война» вообще не упоминалось. Во всех официальных документах фигурирует название «Судетский инцидент». Десятки тысяч убитых и инвалидов. Но оказывается, даже войны не было.

Вообще-то, несмотря на широко тиражируемую версию, в то, что Гитлер отступил под давлением указанных факторов, поверить было трудно. Но иной попросту не было. Франция, несмотря на проведенную мобилизацию и идущие в Чехословакии тяжелые бои, войну Германии так и не объявила. Англия также провела мобилизацию и отправила к галлам свои экспедиционные силы. Но до большего дело так и не дошло. Не последовало даже ни единого ультимативного заявления, похоже, из опасения спровоцировать агрессию Гитлера.

Как бы то ни было, после месяца переговоров, дебатов на заседаниях в Лиге Наций и вялых позиционных боев было достигнуто мирное соглашение. Оно сводилось к тому, что Чехословакия сохраняла свою территориальную целостность и не уступала Германии ни пяди земли. В то же время правительство не будет препятствовать эмиграции немцев, желающих перебраться на историческую родину.

Признаться, последний пункт сильно бил по промышленной базе страны. Потому что заводы лишались большого числа квалифицированных кадров, которых вот так, в одночасье, не заменишь. Из четырех миллионов судетских немцев больше двух предпочли покинуть страну. И это при том, что общее население составляло четырнадцать.

Мало того что промышленность лишалась рабочих рук, так еще и эта эмиграция ложилась тяжким бременем на плечи Чехословакии. Правительство обязывалось обеспечить строительство нового жилья на территории Германии и выплатить некую компенсацию.

Поговаривали, что на принятии этих условий настоял русский император. Как приписывали ему и то, что России на руку ослабление союзника в промышленном отношении. Даже если Чехословакии удастся сохранить прежние объемы производства, качество выпускаемых товаров неизменно должно упасть. А значит, и у русских будет одним конкурентом меньше.

Еще говорили о том, что, мол, по факту Чехословакия в этом противостоянии оказалась на высоте. И коль скоро Гитлеру не удалось ее сокрушить, значит, и требовать он ничего не может. Тут уж скорее наоборот – она должна настаивать на компенсации.

Противники этой позиции не без оснований подмечали, что в полномасштабной войне на истощение Чехословакии против Германии не выстоять, даже при поддержке русских. Хотя бы ввиду отсутствия у них общих границ. Ну не могли же поляки бесконечно демонстрировать свою некомпетентность и неспособность воспрепятствовать поставкам из России.

Вместе с оттоком населения Судет отбыла часть профессуры и студентов. Руководство, подавляющее большинство которого было представлено чехами, приняло решение, что, коль скоро случился столь существенный отток, придерживаться старой традиции двуязычия нет смысла. Несогласные пополнили ряды хлопнувших дверью. В университете окончательно укоренился чешский.

Пройдя по длинному коридору, Кондратьев наконец скрылся за дверью своего рабочего кабинета. Ну как своего. В том числе. Потому что в этом помещении их обреталось шестеро. Ну да, у каждого свой стол, и то хорошо. Клим кивнул соседу-чеху и, едва присев на свое место, увидел сложенный вдвое листок, лежащий поверх других бумаг. Развернул.

«Ваша супруга изменяет вам. Если хотите убедиться, гостиница «Путник» на улице Италской в два часа дня. Номер тридцать три».

И все. Даже подписи «доброжелатель» нет. С-сволочи! Игнат смял листок и с силой зашвырнул его в корзину. Какие все же люди сволочи! Вот кому так хочется нагадить в душу? Кто от этого получает удовольствие?

Профыркавшись рассерженным котом, резким движением раскрыл портфель и буквально вырвал оттуда свой дневник. Едва не отодрав обложку, не менее резким движением раскрыл его. Потом поймал себя на несвойственном поведении. Стараясь сделать это незаметно, глубоко вздохнул и притворно спокойно, с нарочитой тщательностью расправил смявшийся листок. Ухватил тесьму закладки и раскрыл на нужном месте.

Минут через десять поймал себя на том, что тупо смотрит в одну точку, а в голове птицей в клетке бьется одна и та же мысль. А вдруг правда? Стоп! Это бред! Такого быть не может. Потому что не может быть. А взгляд сам собой скользнул на настенные ходики. Двадцать минут третьего.

Все так же нарочито аккуратно закрыл дневник. Уложил его в портфель. Застегнул клапан и, вновь вздохнув, словно собирался броситься в прорубь, поднялся на ноги. Ничего не говоря, негнушейся деревянной походкой вышел из кабинета. Но тут же спохватился и буквально вбежал обратно. Сунулся в бумажную корзину, схватил измятую анонимку и выбежал вон.

Оказавшись на улице, первым делом задохнулся от ударившего в лицо смога. День выдался жарким, безветренным, а потому вся отработанная во множестве автомобилей гадость в буквальном смысле этого слова повисала на улицах столицы. Ему даже пришлось ненадолго остановиться, чтобы перевести дух и адаптироваться к новой среде. В такие дни в помещениях окна не открывали. Прохлады все одно не получишь, так еще и дышать будет нечем.

До нужной улицы было не так уж и близко. Плюс он понятия не имел, где там находится эта клятая гостиница. Нет, он не поверил в написанное. Ни на мгновение не поверил. Однако

захотел все же убедиться в том, насколько чиста жена и насколько он не прав, коль скоро в него закралась хотя бы тень подозрения. Низко? Да плевать. Он должен убедиться. И когда он будет знать точно...

Он обязательно найдет этого негодяя. Сейчас, как он ни старался, его мозг отказывался работать. А для того чтобы думать, нужна холодная голова. Вот убедится. Успокоится. И рассуждая здраво, а не в горячке, выяснит, кто посмел попытаться взорвать его брак. Узнает и накажет. Ему не впервой становиться к барьеру. Только теперь у него не просто достанет для этого решимости, но еще и твердости руки. Потому что стрельбой он уже давно не пренебрегает.

Такси обнаружилось сразу. И, по счастью, было свободным. Водитель лихо крутанул баранку, и «школа», вильнув, подкатила к самому тротуару, а задняя дверь оказалась точно напротив клиента. Впрочем, Клим этого не оценил. Все такой же мрачный сел на заднее сиденье.

– Гостиница «Путник», – как можно спокойнее произнес он.

– На Италской? – полуобернувшись, уточнил таксист.

– Да.

– Знаю. Враз домчу. – Устроился поудобней, включил переднюю передачу и выжал акселератор.

Доехал и впрямь быстро. По дороге шофер попытался завязать разговор. Но, поняв, что у клиента настроение не то, тут же оставил его в покое. Получил свое по счетчику и, пыхнув облачком пара, с бодрым чух-чух укатил прочь.

Оказавшись на тротуаре, Клим осмотрелся. Ничего особенного. Улица вроде и не узкая, но в то же время кажется зажатой из-за возвышающихся по обеим сторонам многоэтажек. Не коробок каких, что сейчас все чаще стоят по окраинам, в погоне за дешевым и доступным жильем. Эта застройка уже преклонного возраста, не лишена изыска, выглядит солидно, но не тяжеловесно.

Гостиница располагалась в шестиэтажном доме в стиле модерн. Невысокое крыльцо и высокая двустворчатая дверь в арке. Над ней вывеска «Путник». На входе лакей. Не какие-то там меблированные комнаты, а настоящая гостиница, с претензиями на репутацию. Впрочем, какая ему, собственно говоря, разница.

Прошел в фойе – и тут же оказался перед администратором. Худощавый мужчина с тонкими усиками, прилизанными напомаженными волосами. Одет в костюм с логотипом гостиницы над кармашком, из которого торчит уголок белоснежного платочка. В неизменной бабочке и накрахмаленной белой рубашке. Учитывая неистребимый смог, белому все же предпочитают все больше темные тона или в крайнем случае кремовый цвет. А значит, гостиница и впрямь далеко не из последних.

– Чем могу быть полезен, господин?..

– Кондратьев, – уловив затруднения парня, представился Клим. – Номер. Да. Я хотел бы снять номер, – вдруг озарило его, хотя даже заходя в здание он понятия не имел, как поступит.

– Имеются какие-то предпочтения?

– Третий этаж, если можно.

– Секунду. – Администратор сверился со своими записями. – Тридцать девятый вас устроит?

– Это третий этаж?

– Разумеется. В нашей гостинице просторные номера на самый взыскательный вкус.

Потому на этаже их только по десять.

– Вот и замечательно.

– Позвольте ваш паспорт?

– Да. Извольте.

Документы у него всегда были с собой. Так, на всякий случай. А то мало ли. Было дело, задерживала полиция до выяснения личности. Не повезло оказаться рядом с местом ограбления.

– На сколько дней?

– Сутки. Я проездом. На вокзале посоветовали вашу гостиницу.

Угу. До вокзала тут рукой подать. Всего-то пара-тройка сотен метров.

– Багаж?

– Вещи подвезут чуть позже.

– Хорошо. Вы непременно останетесь довольны. Ваш ключ, – протягивая деревянную грушу с ключом, произнес администратор.

Поверил ли он в байку с багажом? Вот уж точно нет. А вот в то, что в скором времени могла появиться дама, – очень даже. Похоже, это тут не новость. А возможно, основная часть их клиентов как раз и есть любовники. Бог весть. Вроде ничего подобного ни во взгляде, ни в облике не угадывается. Но вот полное ощущение, что парень уже уверился, какова именно причина, приведшая сюда Кондратьева.

Поднявшись на третий этаж, первым делом нашел тридцать третий номер. Стоять у двери и вслушиваться в звуки из номера он не собирался. Вместо этого, приметив в конце коридора небольшой журнальный столик с парой кресел, направился напрямик туда. Вооружился газетой и даже попытался что-то там почитать. Правда, получалось у него откровенно плохо.

Через полчаса нужная ему дверь отворилась, и... Клим понятия не имел, что именно удержало его на месте при виде смеющейся Кати, покидающей номер в сопровождении... Да. По виду и выговору – типичный чех. В смысле, конечно, представитель пражского света. Признаться, Кондратьеву было наплевать, кто он. Никакой злости по отношению к нему он не испытывал.

Хм. В отношении жены тоже. Было горько. Обидно. Больно, в конце концов. Но злости на нее не было. Ему не хотелось ее убить, окликнуть, уличив в измене. Он просто проводил эту парочку, наблюдая за ними поверх газеты. Выждал какое-то время. Опустошенный и разбитый, спустился на первый этаж. Отдал ключ и вышел наружу.

Жены с любовником уже не было. Да оно и неудивительно. В Праге вообще множество такси. Не простоял он и пяти минут, как появилось очередное. Остановил. Указал адрес университета. Его стажировка закончилась. Здесь ему больше делать нечего. Нет. *Им* тут делать больше нечего. Если Екатерина Павловна захочет, она еще сюда вернется. Но уже без него и не в качестве его жены.

Правда, остается еще вопрос с Сережей. Не хотелось бы серьезного скандала. Но... Если случится, то он не отступится. Его матушка сумеет дать мальчику достойное воспитание. А с его деньгами и содержание. Тетушка. Ну, она или поймет, или найдет себе другого наследника. Лично Климу на это было наплевать. Он поступит так, как считает нужным, и никак иначе.

Сейчас нужно как можно более корректно решить вопрос с окончанием стажировки и получением бумаг. Кондратьев очень надеялся на то, что ему пойдут навстречу. Он, конечно, никогда этим не бравировал и не злоупотреблял. Но случится – так он не постесняется обратиться и к слегка задолжавшему ему Войцеховскому. Кстати, его прочат в новые президенты Чехословакии. Всеобщий любимец, герой, отстаивший страну. Словом, препон Клим не опасался. Разве только в случае их возникновения придется задержаться на лишний денек.

Глава 3

Атака с тыла

Это какое-то дежавю. Разница, конечно, существенная. Все же наличие под ногами не палубы фанерного безмашинного планера, а твердой земли способствует куда большему душевному спокойствию. Душевному – да, но не телесному. Тут-то как раз все один в один. Три часа в одном и том же положении. Машина заглушена, охлаждение воздуха не работает. Солнце жарит так, что нет спасу. Естественная вентиляция помогает мало. И то, что «Гренадер» вроде как укрыт в земле, не имеет никакого значения. Дождей не случилось уже давно, так что и земля успела прогреться. Опять же его прикрывает легкий навес, также препятствующий воздушным потокам.

Но все это меркнет в сравнении с тем, что ему опять нестерпимо хочется по малой нужде. До закипания мозгов. Нужно будет проесть плешь Полянскому, чтобы он как-то продумал этот вопрос. Конечно, устраивать из рубки нужник идея не из лучших, но ведь можно же сделать это на такой вот случай. А все говорит за то, что засады – для «Гренадеров» один из самых предпочтительных тактических приемов.

Сколько уже им доводилось действовать из засад? То-то и оно. Просто раньше как-то не возникало подобных проблем. Хм. А может, у него просто проблемы со здоровьем? Да какая разница. Сил уже никаких терпеть это издевательство. И ведь не вылезти, пока находишься в укрытии. Грудные пластины открыть, конечно, можно, не вопрос. Только при этом верхняя задерется так, что потревожит маскировку. И все труды псу под хвост.

На захват исправной техники никто не рассчитывал. А потому и к подобному обороту командование легиона готово не было. Хотя рота бронетягов в штате и имелась, в десант экипажи никто отправлять не собирался. Послали, конечно, с У-2 донесение и о захвате станции и об исправной технике. Но как там решит полковник Рязанцев, было непонятно.

Поэтому решили выставить несколько машин в качестве неподвижных огневых точек. Ну и бронебойщиков вместо наводчиков. Глядишь, не будут мазать безбожно. Других-то все одно нет. Ввиду отсутствия полной уверенности в способностях новоявленных артиллеристов и внушительной брони противника комбат придумал сделать основную ставку не на них, а на «Гренадеров».

Кстати, старый знакомый Григория. Майор Михайлов командовал ротой десантников в первом бою Азарова в Испании. При встрече сильно удивился, обнаружив бронеходчика в звании капитана, да еще и всего лишь в должности командира взвода.

Понятно, что от подпоручика до капитана нужно прослужить пять лет, и успешное участие в боях вовсе не является гарантом скорого роста по службе. Но, во-первых, Испания дала толчок многим офицерам. Если не сказать, практически всем. Во-вторых, у Григория за плечами был еще и секретный проект, и успешное участие в боях в Монголии. Словом, причин для роста более чем достаточно.

Ну а что он мог на это ответить. Бретер и скандалист, имеющий определенные сложности с дисциплиной. Какой уж тут рост по службе. Впрочем, к секретному проекту «Легион», в качестве будущего командира роты штурмовиков, его все же привлекли. И многие офицеры были под стать ему. К примеру, сводным батальоном бронеходов командовал также небезызвестный ему по Испании Ермилов. Правда, здесь он уже был подполковником.

Весь командный состав легиона получал двойное жалованье. Одно шло вполне официально, от литовского правительства. Второе – по секретным ведомостям от российского военного ведомства. Оно поступало на банковские счета.

Григорий оформил доверенность на матушку, и деньги получала непосредственно она. Ей еще его сестрицу выдавать замуж, так что средства всяко-разно лишними не будут. А еще

она вроде как присматривается к очередному клочку земли. Уж больно нерадивым оказался у нее сосед, того и гляди лишится пахотных угодий.

Словом, Иностраный легион от начала и до конца русское детище. Ну не желали литовцы видеть на своей территории российскую армию, хоть тресни. Опять же и с поляками Алексею Второму затевать открытую свару никак не хотелось. Он их сейчас вроде обхаживал, словно ухажер манерную бабенку с замашками невинной девицы. Правда, пока все без толку...

Обмозговав ситуацию, Азаров и Михайлов пришли к выводу, что нужно отбить первый штурм с разгромным счетом. Тогда рубль за сто, без лишних нервов достоят до подхода частей литовской армии. В том, что те все же прорвут польскую линию обороны, сомнений не было.

Вот и решили забросить «Гренадеров» напрямик в польские боевые порядки. Если выгорит, как запланировано, то штурмовики уподобятся лисице, ворвавшейся в курятник. И главное, попасть под дружеский огонь им ничуть не грозит. Потому что бой будет разворачиваться километрах в трех от станции. Так что все должно выйти ладно. Ну или плохо. Кхм. А вот об этом не хотелось думать категорически. У него, между прочим, кое-какие сдвиги на личном фронте появились.

Вероятнее всего, польского удара следовало ожидать с северо-запада. Как раз вдоль железнодорожного полотна и шоссе, прямо по несжатым полям. Ширина по фронту между дорогой и лесным массивом около полутора километров, конечно, несколько смущала. Но не сказать, что столь уж серьезно. Куда больше вызывал опасения несобранный урожай. Нет, их вовсе не волновала его сохранность. Но то, что вражеской пехоте будет где укрыться, – уже совсем другой вопрос.

По их задумке «Гренадеры» должны были появиться в прямом смысле из-под земли. А чтобы противник не обнаружил засаду раньше времени, их надлежало упрятать под землю. На рытье капониров выделили целую стрелковую роту и по грузовику на каждое отделение «землекопов».

Восемь «Гренадеров» разместились у самой железнодорожной насыпи. Причем на открытом участке, чтобы пехота не соблазнилась возможностью укрыться в придорожных зарослях. Нарвутся еще на укрытые бронеходы. Пять машин во главе с Григорием – у кромки леса. И в том и в другом случае бронетягам незачем приближаться к укрытиям.

И вот теперь он сидит в этой яме, именуемой капониром, и ожидает, когда же у этих пшек наконец проснется совесть и они пожалуют на ристалище. Вот как можно быть столь неповоротливыми? Он отводил им на все про все три часа. Боялся, что до их подхода не успеет укрыть бронеходы. Два часа пришлось затратить на обустройство засады. По всему, у этих гадов оставался час. Но прошло уже три!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.